

И похоронил Адам Еву...

Была зима, конец января; день за днем старик долбил могилу в остывшей, мертвой земле, как терзал ее и себя.

Адам похоронил Еву рядом с Авелем и Каином. Он все сделал один. Никто не пришел помочь ему, никто не пришел проститься с Евой.

Прежде чем расстаться с женой навсегда, Адам бережно сдул с ее лица снежинки. Правда, они тотчас снова налетели. И снова он сдул их,дохнув бессильным теплом в тысячелетнее лицо Евы. Оно было напущшее от морщин, словно под кожей у нее проросли корни той долгой, тяжелой жизни, которую им завещал Бог. Только Адам и через этот ветхий лик всегда видел юную, райскую Еву...

Он всхлипнул, как закашлялся.

Любил ли он Еву, как теперь люди, молодые и старые, любят друг друга, Адам не знал. Он не выбирал ее. Она была плоть от плоти его, и сейчас он как бы хоронил самого себя. Он будто бы умер в ней и в то же время остался жить мертвым.

Адам вгляделся в дорогу, которая вела к нему на гору. И плакальщиц не видно, хотя он, договариваясь с ними, обещал каждой и сыра, и вина, и благовоний. Не много, но обещал. Много, в достатке сейчас ни у кого не было. Второй год земля ни весной, ни осенью не знала дождей. Даже летняя роса не накрывала полей. Люди по всей долине извели и зайцев, и вепрей, даже шакалов и тушканчиков. Адам жил на горе и видел, что там, внизу, над городом, больше не роятся резвые голуби. Их тоже или съели, или обменяли на зерно.

Уже триста лет Адам и Ева жили в пещере на горе. В долине у них остался хороший дом из обожженного кирпича, а во дворе в колодце никогда не исчезала, на зависть многим, такая чистая и легкая вода, какую они пили только в Раю. И все-таки они ушли, потому что люди век от века все больше сторонились их, а порой даже открыто ненавидели. Особенно доставалось Еве. Однажды соседка, зайдя за водой, будто бы случайно ударила ее по пальцам крышкой колодца и не сдержалась, захохотала, глядя, как Ева страдает от боли.

Так что они в конце концов ушли на гору и жили одни, сами по себе, и особенно не жалели об этом. Тем более что Енох, сын Каина, первое время часто поднимался к ним. Это был еще молодой, двухсотлетний муж, который ходил в пурпурных одеждах, посыпал заплетенные в семь косичек волосы золотой пудрой, а из благовоний пользовал дорогое алойное дерево, которое привозили с далекого Цейлона. Енох всегда привозил подарки, обнимал Еву, целовал бороду Адама. Только если раньше он любил расспрашивать их о Рае, о том, какой из себя Бог, какие ангелы, то в последнее время Енох стал раздраженно-молчаливым и торопился назад. Прошлым летом в свой последний приезд он и вовсе обидел Еву. Енох привез ей в

подарок серебряную цепочку с маленькими колокольчиками, которая надевалась вокруг лодыжки.

– Мне почти тысяча лет, а ты хочешь, чтобы я уподобилась твоим розовощеким девушкам?

– Это очень дорогая безделушка! – гордо сказал Енох. – Правда, мне она досталась почти даром. Если не хочешь ее носить – обменяй на что-нибудь. Хотя бы на осла. А то как-то даже от людей стыдно: жили в Раю, знали самого Бога, а век от века пешком ходите!

...И обрил Адам в знак траура каменным, еще эдемским ножом свою бороду и свои белые, старчески нежные кудри, – и пошел вниз, в город, к Еноху, оплакать вместе смерть Евы.

Тяжелый ветер ударил Адама, но он даже не почувствовал его палящей морозной силы: на нем были те самые кожаные, не знающие сноса одежды, которые Бог, изгоняя их с Евой из Рая, тем не менее заботливо пошил им своими руками. И было это, слава Богу, хорошо сделано, очень хорошо. Эти одежды от Господа согревали в стужу и давали прохладу в зной.

Когда Адам проходил ущелье, где обычно прятались в непогоду его голуби, то не услышал их привычного, басистого воркования: как видно, и до них добрались люди из долины. Только какой-то последний летун еще подавал среди скал свой кроткий, заунывный голос, будто прощался с Адамом.

Отсюда, с высоты, виднелись у горизонта другие, далекие горы. Лет семьсот назад, когда тоже навалился голод и люди дошли до того, что ели воловий помет, они потребовали от Адама вести их искать Рай. Он помнил, что где-то за горными кряжами была страна Эдемская с ее благодатными обильными кущами.

Они долго искали ее и никак не могли найти, словно она сделалась не-видимой. Никто тогда не вернулся живым, кроме него.

...Несмотря на холод, все равно уже чувствовалось, что эти дни у зимы последние и скоро грянут первые грозы, а следом миндаль озарится повсюду благовонными февральскими цветами...

И спустился Адам под вечер с горных троп, и пришел к Еноху.

Внук встретил его в походных козьих одеждах, верблюжьих сапогах, а на поясе, шитом золотом, у него провисал короткий меч.

– Через час мы выступаем! – сказал Енох. – Прости, из-за этого я не пришел на похороны.

– Нам угрожает враг?

– Нам угрожает голод!

– И куда вы идете?

– Мы хотим найти Рай!

– Однажды я уже водил людей на его поиски.

– Я знаю. Все погибли.

– Потом обвинили во всем меня...

– А как ты хотел? Тебе дорога туда самим Богом заказана! Теперь мы пойдем сами. Это общее решение. И вообще, дед, уходи скорей в горы. Многие здесь настроены против тебя. И очень решительно.

– Нас с Евой всегда недолюбливали...

– На этот раз все гораздо серьезней!

– Как-нибудь перетерплю...

– Люди открыто требуют казнить тебя!

– Какое же преступление совершил этот старик? – гордо сказал Адам.

– Ты не знаешь? – побледнел Енох. – У тебя отшибло память? Ты забыл, что из-за вас с бабкой Бог проклял весь род людской, обрек нас на тяжкий труд в поте лица, страдания, а в итоге на смерть, которая подобна смерти скотов?! Конечно, вы-то успели пожить в Раю в свое удовольствие! Вам хоть вспомнить есть что!

– Я же рассказывал... Нас совратил Змей... – подавленно пробормотал Адам.

– А вы были безмозглые твари?! – крикнул Енох. – Бог настрого запретил вам жрать с Древа познания! Помнишь, я в детстве без разрешения не смел даже прикоснуться к твоему мечу? А как хотелось! В общем, вы вляпались по уши! Вот теперь иди и объясни этим голодным, несчастным людям, как и почему вы с бабкой довели их до такой скотской жизни!

– Ты думаешь, я побоюсь это сделать!? Правда, Ева умела говорить более складно, но я тоже найду что им сказать! – твердо проговорил Адам.

– Иди, иди, – сухо заметил Енох. – Как только эти несчастные увидят тебя, они тотчас обнажат мечи!

– Меня ничто не пугает... – вздохнул Адам. – Я уже как бы умер. Я умер вместе с Евой. Ведь она была плоть от плоти моей. А дважды умереть нельзя.

– Не храбрись! – судорожно вскрикнул Енох. – Они изрубят тебя на куски и бросят их голодным собакам!

Адам стал развязывать на себе одежду.

– Тогда на всякий случай я оставляю это тебе. Жаль, если попортят.

– Ну да! Ты же рассказывал: сам Бог трудился над твоими кожашками... – усмехнулся Енох.

– Он так старался... – тихо сказал Адам. – Я всю жизнь проходил в этих одеждах и горя не знал. Спасибо ему!

Енох побледнел:

– Знаешь, дед, в последнее время, если честно, многие стали серьезно сомневаться в твоих рассказах про Рай, про Бога. Кое-кому они вообще кажутся бредом! Может быть, и на самом деле ничего не было?..

– И все-таки вы идете искать Рай?..

– Что нам остается делать? У нас нет выхода!.. А райские одежды оставь при себе. Они никому не потребуются. Ты у себя в горах отстал от жизни: сейчас все достойные люди предпочитают меха, тонкую шерсть, шелк...

– Прощай, Енох... – сказал Адам.

– Я дам тебе плащаницу. Ты завернешься в нее и незаметно выйдешь из города.

– Меня узнают в любом случае! – усмехнулся Адам.

И он вышел от Еноха.

Обмеркло: на небо пришли первые и какие-то тощие, словно бы голодные звезды. В этих позднейнварских сумерках особенно чувствовалось, что у зимы остались ни мало ни много последние часы.

Адам вдруг отбросил палку и громко сказал в темноту:

– Эй, люди, это я, Адам! Я здесь!

И он услышал собачий перелай: дружный рык целой своры, рвущейся с поводов, чтобы настичь близкую жертву. Там и там, рыская, замелькали факелы. По глухому топоту деревянных подошв Адам уловил, что в его сторону бежит толпа.

Он машинально оглянулся на дом Еноха: окна были темны. Ему вдруг захотелось сделать глоток вина. Адам судорожно улыбнулся и медленно тронулся навстречу людям.

Чьи-то сильные руки подхватили старика, и через минуту он сидел в чужом доме. Огня не было. Мимо ошалело пронеслись собаки, от злобы кусая друг друга.

– Здесь тебя не найдут, – услышал Адам.

– Я не боюсь их. Я теперь ничего не боюсь. И все же я благодарен тебе.

Назови себя!

– Сейчас не время, – был ответ.

– Что-то голос мне твой знаком, – строго заметил Адам. – Ты не сын Еноха Ирад?

– Нет.

– Тогда Евал, муж моей дочери Сары?..

– Выпей вина, старик. Сосуд на столе.

– Ты как мысли мои угадал... – вздохнул Адам и приложился. – Вино, между прочим, у тебя славное! Никогда такого не пробовал!

– И в Раю?

– В Раю мы с Евой были чисты как ангелы!

– Пока не добрались до запретного плода?

– Что ты про это знаешь!? – глухо вскрикнул Адам. – Никакого запретного плода не было! И никакого Змея-искусителя! И запомни, никто нас с Евой из Рая не выставлял! Я сам ушел. И увел с собой жену. Надоело жить на всем готовеньком. Потом же лишнего шага не ступи... Меня Бог поставил там садовником, а я хотел пасти овец, пахать землю... А больше всего мне хотелось завести голубей!

По улице опять с криками пробежали люди: шума и гама там хватало.

– Мне бы поговорить с ними... – приподнялся Адам. – Нам давно пора объясниться! Я, пожалуй, пойду. Они опять собрались искать Рай... И собрались на этот раз идти без меня! А мне тоже хочется на него хоть глазком взглянуть...

– погоди, старик, – сказал незнакомец. – Лучше расскажи еще чего-нибудь.

– Некогда мне тут с тобой... Да и нечего больше! – ворчливо отозвался Адам.

– А про смерть Евы?

– Откуда ты знаешь, что она умерла? Никто даже проститься с ней не пришел...

– Я был.

– Как же это так, если я тебя не видел?

– Еще раз говорю: сегодня днем вместе с тобой я стоял на могиле Евы.

– Да кто ты такой?! – строго вскрикнул Адам. – И чего тебе надо?..

Незнакомец присел на корточки раздуть огонь, бледно мерцавший на глиняном полу. Костерок послушно, с готовностью залохматился свежим пламенем. Он вспыхнул как заиграл.

И увидел Адам лицо Его.

– Это Ты?!

– Здравствуй, Адам.

– Как же я сразу не догадался?..

Адам неуклюже, по-стариковски, опустил на одно колено, потом на другое.

– Прости, Господи! Я такого тут по неведению наговорил...

– Ты не сказал ничего дурного.

Адам судорожно, неуклюже молчал.

– Господи, а как там сейчас наш Сад?..

– Его уже нет.

– Конечно, столько лет прошло... Я уже счет своим годам потерял.

– Тебе ровно девятьсот тридцать. А Сад я вырубил. Он мне все время о вас с Евой напоминал.

Господь подошел к окну и еще что-то тихо сказал.

– Я не расслышал, – смутился Адам.

– Ничего. Это я сам с собой, – был ответ. – А теперь, старик, мы расстанемся. Ты вернешься в горы. И никто не тронет тебя. Любовь людей к тебе не обещаю, но свои годы ты доживешь спокойно. И вот еще что: проси, Адам, чего хочешь, пока я здесь.

Адам закрыл глаза.

– Проси, не тяни.

– Господи! – порывисто сказал Адам. – Голод поразил народ. Накорми страждущих...

Господь резко обернулся.

– Тех людей, которые хотят найти Рай и жировать там? Которые кроме золота, вина и девок ничего не желают? Прости, Адам, но я раскаялся, что создал человека!

И сказал Он:

– Истреблю его с лица земли.

...Адам как очнулся. Он был на улице, и был один. В растеплившемся первовесеннем воздухе пахло от домашних очагов свежим хлебом, жареным бараньим мясом и курдючьим жиром. Молчали наевшиеся, оглохшие от сытости собаки. И тихо так, словно город только что родился.

После недавнего дождя под ногами лежали сплошные лужи. В них потаенно отражались звезды.

Адам ступал бережно: ему казалось, он идет по небу.